

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДЕНЕГ, ИЛИ ШАГ К ТАЙНЕ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Используется оригинальная институциональная методология к феномену товарно-стоимостных и кредитно-денежных отношений, позволяющая выявить действительную природу финансовых кризисов.

The author uses an original institutional methodology of the analysis of commodity money and credit-monetary relations, which allows to reveal the real origin of financial crises.

Сфера денег и денежных отношений получила достаточно широкое распространение и развитие, проникнув даже в те области деятельности людей, которые лишь косвенно соприкасаются с этим феноменальным материалом. Поэтому любой человек, а тем более экономист-теоретик, так или иначе, в явной или неявной формах определяет свое отношение к деньгам. Другими словами, даже не экономическое, а все человеческое сознание буквально пронизано денежно-финансовой идеологией. Нынешний очередной финансовый кризис обострил данную проблему до уровня массового обращения к психоаналитикам и экстрасенсам, потому что

доминирующие теории никак не ориентируют на рациональное освещение как природы кризиса, так и его субстанции – денег. К сожалению, считающие себя экономистами «советники» банально призывают или держать свои вклады в разных банках и не в одной валюте, или же массово не делать «резких движений», чтобы их обналечить. Экономистам разных школ и особенно тем, которые относят себя к представителям функционально-позитивистского направления, давно пора задуматься о причинах и природе экономического кризиса. Почему все-таки этот кризис не был предсказан и почему ему приписывают то, что следует по-

ставит в вину отдельным людям, группам или даже классам. В конце концов, почему нарушаются элементарные права и личности, и собственности, когда в неизвестном направлении «исчезают» накопленные людьми за их иногда всю прожитую жизнь деньги? Очевидно острое противоречие: никто как бы конкретно не виноват по законам юридическим (они ведь устанавливаются конкретными людьми и под конкретные интересы), но данная ситуация никак не координируется с законами экономическими – произведенная стоимость не может исчезнуть бесследно, хотя вполне может изменить свою форму и (или) субъекта присвоения. Иначе говоря, законы права подавили и узурпировали законы экономические, а в результате, как пишет нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия»¹.

Стержнем рыночно-капиталистической системы хозяйства* выступает *стоимость*, прошедшая в своем естественном развитии от простого товарообмена (бартера в современном понимании) до денег со всеми функциями и их различными видами. Стоимость – это прежде всего тот *общественный норматив*, который фиксирует не только общественно необходимые затраты труда, но и уровень технико-технологического развития, норму социальных отношений. Как Маркс подчеркивал необходимость логического построения единой теории капитала из категории *стоимость товара*, так и антимаркс Бем-Баверк обращает внимание на такую же эволюционно-системную идею развития теории, но уже из категории *ценность*.

Возникновение денег дало старт экономической цивилизации, основанной на разделении труда, кооперации и феномене ка-

питала в целом и банковского в том числе. Банковский же капитал на этой стадии носит пока подчиненный характер, а адекватной сферой развития капитала как явления выступило промышленное производство в его такой функциональной форме, как производительный капитал, где в полной мере могли проявить себя частная собственность и конкуренция. Но именно последняя своим противоречивым действием порождает возникновение монополии (корпорации), подорвавшей не только конкуренцию, но и пронизавшей всю структуру отношений рыночного хозяйства. И пока традиционные экономисты (неоклассики) изощрялись своими моделями в борьбе против якобы «инородной» для рынка монополии, Э. Чемберлин, Дж. Робинсон и др. обосновывали имманентность монополии и, следовательно, монопольной цены для индустриально-капиталистической цивилизации. Несколько позже А. Хабергер доказывал, что потери от монополии для экономики США за определенный период составляли лишь 0,5–2 % от ВВП, чем привел в шок все научное сообщество². Выгоды же от монополистических структур здесь не принимались в расчет.

Финансовый капитал отражает совсем иную стадию развития рыночного хозяйства, поскольку в утилитаристскую модель поведения хозяйствующего субъекта встраивается *спекулятивная компонента*, изменяющая критерии и сам механизм регуляции социально-экономических отношений. Финансовый капитал можно сравнить с *третьей производной* (!) (деньги – первая, банковский капитал – вторая) от того первоначального понятия «экономика», которое вкладывали в него Аристотель и классики.

В последующем «узкие» специалисты по деньгам, стремясь получить гносеологические преимущества за счет сужения своей аналитической сферы деятельности, наталкиваются на парадокс, который можно назвать *парадоксом специализированной пустоты*. К нему пришла неоклассическая школа, принявшая на вооружение методологию позитивизма и функционального анализа. Именно ее идеи и инструменты породили современную неустойчивую банковско-финансовую систему, которые в последующем были приняты на вооружение постсоциалистическими государствами в формировании у себя соответствующих систем. По сути, произошел первый институциональный им-

* Мы придерживаемся той точки зрения, которая высказывается как зарубежными, так и отечественными авторами, что понятие «капиталистическое хозяйство» значительно шире понятия «рынок», поскольку отражает многие другие институционально-исторические признаки развития экономической цивилизации, а не только общие принципы устройства и функционирования экономики.

порт, внедрение стандартов которого в молодые реформирующиеся страны строго контролировалось соответствующими организациями. В результате почти во всех учебных пособиях по экономической теории (экономикс) и выстроенных на базе их постулатов книгах по деньгам последние получают определения, не несущие никакой смысловой нагрузки. Например, при всех отличиях, которые существуют в многочисленных книгах по экономической теории, принятые на вооружение вузами, специалистами банков и пр., деньгами предлагают считать то, что признают люди в качестве платежного средства³. «Деньги, – пишет П. Самуэльсон, – это искусственная социальная условность»⁴. Мы не будем формулировать многочисленные вопросы после прочтения данных и других подобного рода определений, но зафиксируем наше наблюдение, касающееся имеющихся теоретических подходов к деньгам. Оно в некотором роде по-своему отражает их количественную теорию, поскольку чем большим количеством денег распоряжается одно лицо или их группа, тем настоятельнее диктуется расширение и углубление аналитического подхода к ним с привлечением далеко не экономических и тем более «никак не денежных» инструментов, факторов и условий человеческой деятельности. Ф. Бродель подчеркивает: «Денежная техника, как и все виды техники, отвечает, следовательно, на потребности, длительно, упорно и ясно выражаемые. Чем более страна была развита экономически, тем более расширяла она гамму своих денежных и кредитных инструментов. ...В международном денежном единстве общества имели каждое свое место: одни – привилегированное, другие тащились в хвосте, а третьи терпели кару. Деньги – единство мира, но они и мировая несправедливость. ...**Деньги стекаются на службу к владеющим технологией их обращения**» (выделено мной. – П. Л.)⁵.

Принципиальная ошибка зарубежных и отечественных макроэкономистов состоит в том, что они подходят к деньгам лишь как к известным из трактовки популярных учебников денежным агрегатам (*агрегат* – общий, совокупный), которые используют в своих расчетах. Но все расчеты и выводы, по монетарной политике в том числе, имеют смысл лишь тогда, когда исследователь правильно определяет сущностную природу де-

нег, а не неизвестно по каким правилам и принципам выполненные обобщения (агрегации). Следует обратить внимание на название известной работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», в которой он *преодолеывает* бытовавшую на тот период *классическую дихотомию о нейтральности денег*. В общественно-экономическом сознании утверждается мнение, во-первых, о том, что деньги имеют значение (!), а во-вторых, фиксируются новые виды денег: для расчетов, деньги для накоплений и деньги для *спекуляций*. Таким образом, «новые» виды денег приобретают и новые функции, которые принципиально меняют в обществе нормы отношений, мотивацию поведения и установки в деятельности стратегий политико-экономических агентов.

Таким образом, наша идея состоит в том, чтобы, во-первых, вернуть «экономическую теорию»* в русло действительной науки о человеке, его мотивации, поведении, производственных отношениях и связях, институтах, влияющих на выбор индивида и фирмы. Во-вторых, зафиксировать то место денег, которое они реально заслуживают в рамках предмета науки об экономике с ее законами-тенденциями XXI в. В-третьих, отразить в феномене денег свойства, с которых начинается, например, не просто инфляция, а другие негативные социально-экономические последствия, равно как и выделить адекватные действенные инструменты, их регулирующие и устраняющие. Речь идет о доминирующих характеристиках, которые в определенный исторический период времени придают или избирательно наделяют какие-то элементы человеческой деятельности денежными свойствами, признаками, функциями. Деньги не потому деньги, что явля-

* Мы в который раз отмечаем, что термин «экономическая теория», отражающая неопределенный (!) предмет современной экономической науки, на наш взгляд, является неудачным, поскольку нет физической, химической теории и пр. По сути, такая «наука» с таким названием существует только на постсоветском пространстве. Поэтому мы разделяем позиции тех авторов, которые для адекватного, цельного восприятия и отражения сложной современной социально-экономической действительности во всех своих детерминантах и проявлениях предлагают отталкиваться от предмета праксиологии, философии хозяйства или хотя бы политической экономии. Ведь предмет любой науки формирует аналитический «фокус», который в последующем разворачивается в целостную систему понятий.

ются таковыми по своей природе, и не банки «делают деньги», а потому, что вся институциональная среда придает им такие свойства, признаки и функции. В-четвертых, обратить внимание, какое воздействие или последствия (накопление, стимулы, динамика, развитие и пр.) имеет сам механизм транзакционных операций, процедура сбережений, работа сберегательно-кредитных институтов, полное и равномерное информационное обеспечение всех участников денежно-кредитных отношений и то, что в конечном итоге определяет источник и заключительное выбытие денег с оборота воспроизводства. Сегодня очень много говорят о доверии к деньгам и банковской системе в целом. Но хотелось бы заметить, что «доверие» – это не категория мейнстрима, но к ней начали прибегать, ощутив, насколько хрупка и сложна эта ткань отношений между индивидом и денежным знаком, структурами и людьми, его представляющими. И не «банком единым» формируется данное социально-экономическое отношение. К сожалению, как показывает богатая история финансово-денежных отношений, разрушение этого доверия сопровождается параллельным разрушением денежных систем, а восстанавливается оно кропотливым терпением и участием всего населения и всеми структурами, включая религию.

О том, что деньги – это институт по определению, свидетельствует *возникшая вместе с ними новая утилитарная норма поведения людей*, ориентирующая на интенсивное накопление богатства в весьма феноменальных стоимостных формах, которые стали поддерживаться и закрепляться политико-правовой средой. «Деньги – это доверие, которое живет и умирает лишь в человеческих сердцах и умах. Денежные системы... состоят из механизмов и символов, задача которых – сохранить это доверие. Цивилизации были построены на доверии; оно – основа той уверенности в своих силах, которая нужна цивилизации для развития или хотя бы выживания. Но если общество теряет доверие к деньгам, оно теряет уверенность в себе»⁶.

На хрестоматийном уровне можно толковать о товарном или нетоварном характере денег, используя металлическую или же номиналистическую теории. Это даже будет отвечать истине, но лишь в некоторой степени, поскольку срез экономических отно-

шений современной экономики достаточно сложен, обширен и многообразен. При всей общности свойств, которыми обладают деньги (социально-экономическая нормативность, функциональность, ограниченная воспроизводимость, универсальная полезность (ценность)), на каждом значимом историческом отрезке некоторые из них приобретают доминирующую для этого периода характеристику. Около 98 % транзакций, приходящихся на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о спекулятивном свойстве современных денег. В то же время известные и еще неизвестные виды денег – агрегаты, как их называют макроэкономисты, указывают на имеющийся и возникающий приоритет ценностей человека, ориентирующих последнего в своих мотивах, действиях, поступках (хороших или дурных). Интересно то, что в Ветхом Завете золото упоминается 415 раз, отражая тем самым разные склонности человека: от благодетели и послушания до стяжательства и корыстолюбия. Но, как отмечают антропологи, «нет денег без трансцендентного порядка, который представляет им качество материализации тотальности»⁷. Деньги и в США, и в Европе «имеют значение», однако принципиальное отличие первой модели заключается в том, что деньги являются целью жизни американцев, в то время как для европейцев деньги выступают всего лишь средством более значимой цели – жизни. Кстати сказать, для белорусов деньги в структуре приоритетов находятся во втором десятке ценностей.

Банковско-финансовые институты (формальные) не только обеспечивают своими схемами и механизмами реализацию имеющихся склонностей (неформальных институтов), а и создают их, буквально вовлекая индивида огромными чужими активами (!) в спекулятивные сделки и обрекая на проигрыш по совокупности. Парадоксально то, что так возникла «экономика», названная «денежной», с серьезными попытками обеспечить ей теоретическое сопровождение. В этой части подчеркнем, что «теория» здесь необходима лишь для того, чтобы через сформированный «научный» образ мышления побудить человека действовать по «теоретической» схеме, но которая уже подготавливала новую, обеспечивающую крупные выигрыши начавшим «финансовую игру». Ведь без массового игрока на финансовом рынке,

правила которого задаются не только и не столько правовыми рамками, а именно и прежде всего «финансовой теорией», массово пропагандируемой среди будущих участников «казино-экономики», функционирование этих «рынков» не имеет смысла. В последующем воплощенная, эта теория, ставшая доступной, может служить лишь гимнастикой для ума, чтобы создать «свою» схему, предложив ее крупнейшим держателям денежных активов. Еще один парадокс, с которым смирились как с неизбежным, – это использование в финансовых проделках «чужой» собственности, по сути общественной, для перераспределения богатства в частные руки, частное владение. Областью экономической деятельности, кроме труда и других ее атрибутов, выступила страсть игрока. Мотивацией его действий явилась быстрая нажива без создания какой-то потребительской услуги, блага для других людей. А ведь именно данная норма сложного утилитаризма* лежала в основе тех рыночных постулатов, которые были изложены А. Смитом и приняты обществом в качестве основополагающих. Этот в некотором смысле упрощенный образ мышления (главная характеристика института) отражал технический уровень и интересы существующих на тот период классов и социальных групп. Уместно вспомнить в связи с этим учение Смита о производительном и непроизводительном труде как центральной проблеме трудовой теории стоимости, обосновывающей критерий распределения доходов в обществе. Если же принять во внимание размер трансакционных операций на финансовых рынках, многократно опережающих сделки на товарных рынках и рынках услуг, то вывод о сформированной антиэкономике с ее огромным «пузырем» фиктивного капитала** напрашивается сам собой.

Неизбежность инфляции, дефицитность госбюджета и универсальность нормы процента в регулировании денежного равнове-

* Сложный утилитаризм от простого отличается оправданием реализации эгоистического экономического интереса – присвоения максимизации полезности, дохода – за счет производства соответствующего блага или услуги, удовлетворяющих потребности других людей при ценах равновесия, справедливых ценах.

** Обращаем внимание – «капитал фиктивный», фикция (лат. *fictio* – выдумка, вымысел), но прибыль – реальная.

сия – вот три мифа, прочно вошедшие в теорию, сознание и практическую деятельность, нарушившие устойчивость экономического, а следовательно, и человеческого развития. Вместе с тем данные явления нуждаются в серьезном пересмотре, поскольку, являясь сильнейшими инструментами экономической политики, обеспечивают реализацию интересов держателей фиктивного капитала, а не производителей в любом их сочетании с собственниками ресурсов. Таким образом, в современных деньгах, кроме спекулятивных свойств, отражаются значимость и ценность энергоресурсов, интересы их собственников, контролеров, а также явные и неявные интересы международных институтов, формирующих нынешнюю глобальную политику во всех ее направлениях. В денежном мире воплощены как инстинкты человека, так и его нравственно-этические мотивы, социальные и политические нормы, рамки и правила. Худшие времена в политико-экономическом плане заставляют обращаться к товарным активам (хлебу, земле, домам), золоту. Благоприятная обстановка способствует росту доверия граждан между собой, а также к правительству, Центробанкам, другим формальным институтам, бумажным деньгам, их производным. Виды платежных средств становятся общепризнанными, если они устраняют неопределенность в принятии решения для индивида в сопоставлении с существующими официальными утверждениями и заверениями по сохранению собственности. Таким образом, *деньги* – это *институт*, в конкретно-исторический период мотивирующий и регламентирующий поведение граждан, социальных групп, власти, а также обеспечивающий в определенной форме целесообразное с точки зрения ликвидности сохранение собственности, жизненных ресурсов для достижения своих краткосрочных и долгосрочных интересов, целей. Подход к деньгам как институту меняет многие ориентиры к пониманию глобальных политико-экономических процессов и к содержанию национальных политик, проблеме распределения доходов, включая распределение глобальной ренты, взаимоотношений между различными социальными слоями и классами, позволяет более или менее верно выстроить стратегию действительно устойчивого развития, при котором очевидна реальная значимость бан-

ков и их слуг, служащих и пр. Снимается в определенной мере таинство товарно-денежного *фетишизма*, о котором писал не только Маркс, но и другие исследователи и которого не могут преодолеть современные экономисты. «Ремесленников и кузнецов, – пишет, например, Ф. Хайек, – боялись из-за того, что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!»⁸

Современная экономика, представляя собой сложную, динамичную, нелинейную и дискретную систему, обострившую имеющиеся противоречия до принципиальных качественных изменений, уже не вписывается в существующий теоретико-методологический и инструментальный контекст мейнстрима экономической науки с его теорией денег. Самый глубокий институциональный конфликт* на практике проявляется в *цивилизационном* (А. Бузгалин, З. Бжезинский, В. Ингоземцев, А. Тойнби, Ю. Яковец), *общем* (Дж. Сорос, И. Ставински), *глобальном* (Э. Кочетов, Ю. Осипов) кризисе и выходе на постэкономическую траекторию развития со всеми вытекающими отсюда проблемами. Одна из них лежит в плоскости столкновения интересов денежной экономики и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с нравственно-этическими и моральными ценностями человека. «Превращение предпринимателя в спекулянта, – писал Кейнс, – это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им»⁹. Сегодня всего лишь около 2 % всех транзакционных операций сопровождаются движением реальных товарных ценностей, услуг, обслуживающих реальные потребности человека.

* Институциональный конфликт представляет собой определенную «силу» противоречие между различного рода институтами: формальными и неформальными, политическими и экономическими, общественными и внутрифирменными, нормами регламентации предпринятия и мотивами поведения человека.

Остальное же приходится на спекулятивные операции с ликвидным материалом, позволяющие с нарастающим риском для его собственников и еще большим риском для общества банковско-финансовому сектору извлекать валютную *рену*. Но, по сути, это *транзакционные издержки*, которые несут все собственники, а иногда и просто держатели денег и которые, следовательно, должны вычитаться из ВВП. Однако транзакционные издержки не могут существовать без *транзакционных доходов*. Эти доходы как раз и присваиваются инициаторами различного рода финансовых операций. Кроме этого, информационно-компьютерные технологии создали достаточные условия для «игры» за глобальную рену. Повторяющиеся финансовые кризисы являются своеобразной формой, лишь временно разрешающей институциональные конфликты, возникающие вследствие функционирования нынешней спекулятивной стратегии финансового сектора с его денежной системой. В последней явно наметилась тенденция на увеличение доли квазиденег, депозитных денег и акций с одновременным снижением доли потребительских товаров, государственных банкнот и монет с нарицательной стоимостью. Но однозначно можно утверждать, что государство потеряло контроль над мировым денежным обращением со всеми уже очевидными вытекающими отсюда последствиями. Например, еще в 2000 г. формы денег существовали в виде следующей структуры (в %): товарные деньги – 3, металлические слитки – 3, монеты из драгоценных металлов – 0 (в 1980 г. – 1 %), коммерческие векселя – 1, государственные банкноты – 10, монеты с нарицательной стоимостью – 1, депозитные деньги – 16, квазиденьги – 29 и акции – 37¹⁰.

Дело даже не в том, что виртуальная финансовая экономика и накопленный государственный долг создали условия для мирового экономического неравновесия. Парадокс ситуации в том, что *сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную доходность финансовому капиталу*, который, являясь в структуре капитала главным элементом, проводит рискованные спекулятивные операции на фондовых и валютных рынках. И если в рамках мировой экономики с точки зрения создания национального богатства эти операции выступают всего лишь игрой с нулевой суммой, поскольку общест-

венной потребности такие «услуги» не создают, то для вольных или невольных участников финансовой игры результаты чередуются от проигрыша к выигрышу и наоборот. Как правило, создавая очередные правила игры, включая и изменения в необходимом направлении содержания экономической науки, «большие капиталы» начинают и всегда (!) выигрывают. Но ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, всеобщего экономического хаоса и очередного мирового кризиса. Финансовый сектор, являясь порождением производственной деятельности человека, существенным образом пытается изменять мотивы поведения людей, заложить спекулятивные основы экономических интересов. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов»¹¹. Люди-игроки всегда подозрительны по отношению друг к другу. Также поступают и страны, фирмы, банки, биржи, занимающиеся *производством* (!?) транзакционных издержек посредством финансовых операций и извлечением, по существу, *общественной ренты*.

Страны, специализирующиеся на денежно-финансовых операциях и высоких технологиях, основательно обособились от стран, производящих реальные блага. В свою очередь, эти последние обособились от стран, поставляющих на Мировой рынок сырье и дешевую рабочую силу. К началу XXI в. сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. По существу, Мировой рынок – это *монополизированный рынок без конкурентов*. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90 % компьютерной техники, контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов и обеспечивают более 90 % высокотехнологичного производства и около 80 % мирового объема ВВП.

Капитал XXI в. сделал доминирующими те сферы, которые производят деньги из денег и обслуживают же эти процессы. Иначе говоря, рентная мотивация выступает главной движущей силой финансово-денежного капитала, подорвавшей его основы как исторического феномена. Другими словами, современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет

производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития транзакционного сектора в целом. Для этого он создал особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только феноменологии рынка, т. е. никому. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансового капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия.

Раскрытие же некоторых тайн современного капитала с учетом текущего финансового кризиса, пожалуй, уже дает ответы на вопрос, все ли страны живут не только по своим средствам (ресурсам), но и по своему вкладу в мировое богатство – реальное и дутое, финансовое. Очевидным становится то, что созданная система международных институтов позволяет извлекать, искусно перераспределяя, глобальную ренту, на что обращали внимание такие нобелевские лауреаты, как М. Алле, Дж. Стиглиц, П. Кругман и др. Однако нельзя устойчиво и обеспеченно жить во взаимосвязанном мире, создав такие правила поведения, которые позволяют реализовывать права частной собственности лишь на доходы, оставляя право тем, кто не является участником строительства глобального пространства (мир-экономики), нести все издержки цивилизационного кризиса. Ведь вопрос, какой *идеал* современного человека, к чему он стремится, остается, пожалуй, самым фундаментальным вопросом не просто науки экономики, а науки о человеке.

Парадокс для молодых стран, наметивших курс на изменение прежней, социалистической, системы заключается в том, что по многим практическим и теоретическим соображениям их финансово-денежные системы не могут самостоятельно участвовать в жесткой «игре» за глобальную ренту без риска не только потерять «свои» капиталы,

но и усугубить сложившиеся условия по подрыву национального суверенитета своих стран. Сейчас денежный капитал почти всех переходных экономик попал в *трансформационную ловушку*. С одной стороны, деньги и их деривативы, неся в себе известное противоречие общественного норматива регламентации экономических и социальных ценностей под воздействием международных финансовых институтов, требуют участия в мировой «финансовой игре». Здесь кто начинает эту «игру», тот и выигрывает, а начинает сильнейший, провоцируя очередной кризис, для извлечения финансовой ренты, защищаемой международными институтами и созданной ими информационной системой. С другой стороны, банки и другие финансовые учреждения стран вступают в противоречие со своими национальными политическими интересами и структурами. Результаты взаимоотношений могут быть самыми разными, поскольку зависят от многих переменных. Наконец, профессиональная деятельность банковской системы вошла в противостояние с тем, кто ее породил, – реальным сектором экономики, человеком в целом. В результате даже ограниченные денежные ресурсы в поисках своего «роста» не могут найти кредитополучателя, поскольку хозяйственные интересы последнего не совпадают с нормами и требованиями банков. Ты беден, поэтому не можешь воспользоваться для начала хозяйственной деятельности кредитом, а его не дают бедным. Данный парадокс и другие конфликты, таким образом, пока неразрешимы в рамках существующей теории денег.

Поэтому следующий наш тезис заключается в том, чтобы зафиксировать прежде всего явную неполноту существующих теорий такого феномена, как деньги. Перманентные финансовые дефолты и экономические кризисы, а также то, что ни один финансовый кризис не был предсказан, с очевидностью убеждают о наличии в этой сфере «интеллектуальных заблуждений». Это связано, во-первых, с реально изменившимися политико-экономическими условиями хозяйственной деятельности в мире, странах, вынужденной реакции на эти и технологические изменения фирм, индивидов. Во-вторых, адекватная теория денег может быть выстроена лишь в рамках общей науки о современной хозяйственной системе – *новой политической экономии*, а не наоборот, как

это настойчиво делается сегодня, осуществляя крайне успешную попытку узурпировать денежными оценками и мотивацией все социально-экономические отношения. Однако, к сожалению, денежные катаклизмы никак не обеспечивают большого прогресса в экономической теории и реально встал крайне серьезный вопрос о стратегии развития всей *мир-системы* и ее отдельных хозяйственных единиц в реальной хозяйственной жизни. В-третьих, деньги имеют смысл тогда, когда их наделяют этим смыслом люди, в последующем руководствуясь этими установками в своих больших и малых целях. Речь идет о более сложной структуре человеческих ценностей, их приоритетах, мотивах и нормах поведения, а также их институциональных рамках, ограничениях, механизме влияния на политико-экономические процессы. В-четвертых, работа финансово-банковских институтов, оказывая огромное влияние на спрос и предложение того, что выбрали и называют сегодня денежным материалом, норму процента, цены на товары, в конечном итоге уровень жизни, на наш взгляд, сегодня в рамках существующей денежной парадигмы исчерпала свое позитивное влияние на воспроизводство в целом, на стратегическое развитие.

Банк – это *переходный институт*, который в зависимости от естественноисторических условий, сложившейся системы хозяйственных отношений и формы политической власти может проводить как спекулятивную стратегию, разрушающую производственный сектор, так и осуществлять под общественным контролем и вместе с другими институциональными структурами управления мероприятия, направленные на генетическую связь с реальной экономикой и, что еще более важно, с действительно человеческими свойствами. По сути, нет и не делается до сих пор никаких обобщений по перестройке существующей системы, которая бы в рамках комплексной и сбалансированной экономической политики могла обеспечить объяснение, прогноз и сбалансированную реализацию интересов: хозяйственной системы в целом; участников политического процесса; обширного сектора производства благ и услуг; банковской сферы; интересов вкладчиков. Этот противоречивый парадокс пока не разрешимых интересов наблюдается даже в том, что банковскую систему, например, Республики Беларусь, других стран пред-

ставляют как двухуровневую систему коммерческих банков и национальных (центральных) банков. Но ведь банковскую систему преимущественно, более 5/6, составляют мотивированные индивидуальные вкладчики, фирмы, другие разного рода формальные и неформальные институции и организации, которые почему-то никак не входят в элемент формально классифицируемой системы. К тому же наши банкиры до сих пор инициируют внедрение устаревших стандартов мировой финансовой системы, которая сама, нарушив эти стандарты, породила очередной финансовый шок. Поэтому в том числе и здесь следует искать ответ на вопрос, почему лишь 10,9 % опрошенных предпочитают хранить деньги в банках, чтобы сохранить их реальную стоимость¹².

Определение денег как института позволяет понять и природу валютной ренты, являющейся всего лишь следствием монополии банков на специфический актив, создаваемый не банками, а самим обществом, включая информационно-психологическое влияние последнего на индивида, его мораль, этику поведения. Новые нормы мотивации почти всегда порождали и свои приоритеты в отношении выбора того, что называют ликвидным материалом, классифицируемым известными агрегатами M1, M2, M3 и пр. Дж. Сорос в одной из своих работ отмечал: «Финансовая гипотеза не должна быть истиной для того, чтобы быть прибыльной, достаточно, чтобы она стала общепринятой. Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго... Деньги узурпировали роль подлинных ценностей»¹³.

Еще более важный гносеологический эффект проявляется в объяснении природы процента. Ведь практически все проблемы в теории неоклассиков объясняются через ставку процента. Однако данная теория не пытается высказаться относительно природы процента: что это за явление и что за

ним скрывается? Новый смысл, зафиксированный в современных деньгах, позволяет определить *процент как плату за реальное или возможное институциональное неравенство*. Ситуация последнего дает возможность не только перераспределять часть национального богатства через движение, обмен ликвидных материалов, но и извлекать *институциональную ренту*, которая проявляется в доступе к власти, определенным благам, имеет возможность влиять на изменение социальной структуры и пр. Таким образом, институциональный подход к современным деньгам принципиально изменяет представление о всей сложившейся мир-системе, о ее тенденциях, противоречиях и ограничениях развития. А. Эйнштейн говорил в свое время, что вся наша наука наивна и проста по сравнению с реальностью.

¹ Кругман П. Великая ложь. М., 2004. С. 55.

² См.: Шерер Ф.М., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656.

³ См.: Мэнкью Н.Г. Принципы экономики. СПб., 1999. С. 587.

⁴ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 64.

⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 508.

⁶ Лизтар Б.А. Будущее денег. М., 2007.

⁷ Цит. по: Аглиета М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. М., 2006. С. 106.

⁸ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 179.

⁹ Кейнс Д.М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993. С. 100.

¹⁰ См.: Липов В.В. Деньги как институт в институциональной структуре общества // Науч. тр. Донец. техн. ун-та. Сер. экон. Донецк, 2008. Вып. 34-1. С. 145.

¹¹ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 224.

¹² См.: Обозреватель. 2004. 17 дек. С. 7.

¹³ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 24, 101.

Поступила в редакцию 18.11.08.

Петр Сергеевич Лемещенко – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики.